

На 28-м году правления Канси скончалась благородная супруга императора. Посмертно ей был присвоен титул императрицы Сяоижэнь. Поскольку император был в трауре, он приостановил придворную деятельность на три дня. В течение этих трех дней никому не разрешалось входить во дворец Цяньцин [1].

Во дворце Куньнин жили несколько императриц династии Цин [2], а императрица Сяоижэнь была последней женщиной в истории, жившей там [3]. Инью стоял перед дворцом Куньнин в нерешительности. Он действительно не мог найти в себе сил зайти внутрь.

- Седьмой брат беспокоится о четвертом брате? - В какой-то момент восьмой брат подошел к Инью сзади и теперь поклонился в знак приветствия: - Выражение лица седьмого брата выглядит не очень хорошо.

Инью мгновенно вышел из оцепенения и тоже поклонился.

- Восьмой брат преувеличивает, это не более чем результат позднего отхода ко сну. - Он не знал, какую цель преследовал восьмой брат, но в этот критический момент он не хотел подходить к нему слишком близко. Он не хотел, чтобы четвертый брат думал, что люди вокруг него покидают его один за другим. Это желание возникло не только потому, что Инчжэнь был будущим императором Юнчжэном, но и потому, что он относился к нему искренне и с добротой.

Выражение лица Иньсы слегка изменилось, когда он услышал его слова:

- Так вот в чем дело. Несколько дней назад Хуан Ама угостил меня успокаивающим чаем. Почему бы мне не попросить кого-нибудь принести немного седьмому брату?

- Восьмой брат слишком вежлив, - Инью поклонился Иньсы. - Я пойду внутрь, проверю, как там четвертый брат. А теперь прошу меня извинить.

Снова поклонившись, он развернулся, чтобы войти в ворота дворца Куньнин.

Хотя Инью не был груб, его поведение показывало, что он хочет держаться на расстоянии от восьмого брата. Иньсы некоторое время размышлял, опустив глаза, прежде чем повернуться и покинуть это место.

«Господин, вы не собираетесь войти?» - Маленький евнух позади внимательно посмотрел на него.

«Нет, я просто вернусь завтра», - Иньху сделал паузу, оглянулся на дворец Куньнин и без колебаний ушел.

Дворец Куньнин был одет в белое [4]. Когда Инью вошел в траурный зал, другие старшие

братья уже ушли, но Инчжэнь все еще стоял там на коленях, а вокруг него, также склонившись к земле, было несколько рабов. Просто по сравнению с душераздирающей сценой, когда Канси был в зале, сейчас сцена казалась намного холоднее.

Инью с непривычки поправил свою светлую одежду. Когда Тун Цзя-ши умерла, она была императрицей. Прямо сейчас все принцы были ее сыновьями и должны были соблюдать траур, естественно, никто не осмеливался носить яркие цвета. Он посмотрел на одинокую спину четвертого брата и шагнул вперед.

Инью опустился на колени рядом с ним, трижды поклонился, а затем повернулся, чтобы посмотреть на бледного Инчжэня: «Четвертый брат, я жду, когда ты посетишь Уичжай». Сказав это, он обнял Инчжэня, затем встал и покинул траурный зал.

Инью не мог убедить четвертого брата не грустить, не мог преклонить колени рядом с ним, и даже не мог убедить его поест, потому что в это время каждый его поступок может вызвать проблемы. Хотя Инчжэнь мог быть печален и сбит с толку, сам он не мог себе такого позволить. Прямо сейчас он может только дать понять четвертому брату, что он был не одинок и что он ждал, когда тот избавится от своей печали.

Выйдя и приказав евнухам и служанкам хорошенько позаботиться о четвертом брате, Инью некоторое время беспомощно стоял во дворе снаружи, а затем медленной поступью вернулся в Три Южных Места.

Слушая, как шаги позади него постепенно затихают, Инчжэнь добавил несколько бумажных денег в жаровню с благовониями. Короткое объятие только что согрело его замерзшее сердце. По крайней мере, в этом гареме были те, кто по-настоящему заботился о нем.

Когда Тун Цзя-ши была, наконец, похоронена, все дети императорской семьи в столице пришли на похороны. Инью опустился на колени в толпе, слушая лицемерные крики вокруг него, и опустил голову еще ниже. Это был окончательный конец женщины из гарема. Даже если похороны были бесконечно пышными, сколько людей на самом деле оплакивали ее?

Слушая монаха, читающего Священные Писания, плач особо сердобольных и указы Канси, Инью мог только смотреть на Инчжэня, который стоял перед ним на коленях. Инчжэнь не плакал, но его плечи не переставали дрожать. Он не мог не чувствовать некоторого огорчения. Инчжэню все еще было меньше двенадцати лет. Ребенок, который в своей прошлой жизни был бы мальчиком в шестом классе начальной школы, как он мог сдержать слезы после потери своей матери, которая единственная защищала его?

Наложница Дэ, стоявшая на коленях среди императорских наложниц, слегка подняла голову и посмотрела в ту сторону, где стояли на коленях принцы, но поскольку расстояние между ними и наложницами гарема было слишком большим, она могла видеть только множество старших братьев. Что касается четвертого агэ... ее мысли были очень сложными. Она чувствовала, ей повезло, что этот сын сможет вернуться под ее опеку, за исключением того, что она не знала, как обращаться с этим взрослым сыном.

Думая о своем младшем сыне, который все еще спотыкался при ходьбе, настроение наложницы Дэ стало еще более тяжелым. Только когда в тыльную сторону ее руки ткнулся футлярчик для длинного ногтя, она пришла в себя. Глядя на наложницу Чэн, которая молча стояла на коленях рядом с ней, в ее глазах появился намек на благодарность.

Для большинства людей в гареме уход Тун Цзя-ши не оказал особого влияния. После похорон принцы старше шести лет продолжали посещать занятия, в то время как наложницы все еще с нетерпением ждали, когда император перевернет их карточки.

Просто после того, как императрица скончалась, никто во дворце не осмеливался одеваться слишком броско. Даже наследный принц снял свой кисет и саше и носил только нефритовый жетон, символизирующий его положение.

В час тигра [5] Инью закончил трапезу. Сегодня на нем был светлый халат, который не был ни слишком простым, ни слишком бросающимся в глаза. Перед уходом он глубоко вздохнул и быстро направился в Уичжай.

Когда он прибыл, там был только восьмой брат. Он взглянул на него и, прежде чем войти в зал, услышал шаги позади себя. Оглянувшись, он увидел Иньчжэня, одетого в белое траурное одеяние. Он не сдержался и повернулся, чтобы поприветствовать его: «Четвертый брат».

Хотя погода сейчас была не слишком холодной, утро все еще было немного прохладным. Когда Инью увидел тонкую одежду Инчжэня, он нахмурился.

Иньчжэнь явно похудел, и выражение его лица было еще более невыразительным, чем раньше. Увидев обеспокоенные глаза Инью, он едва заметно улыбнулся. «Инью», - закончив говорить, он протянул руку, чтобы взять Инью за руку. Тепло заставило его почувствовать облегчение.

«Четвертый брат, почему у тебя такие холодные руки? - Инью протянул другую руку и соединил обе руки Иньчжэня вместе. Руки Иньчжэня были такими холодными, что он обеспокоенно посмотрел на маленького евнуха за спиной четвертого брата: - В чем дело, твой хозяин не завтракал?»

Маленький евнух не осмелился солгать, поэтому ему оставалось только опуститься на колени.

---

[1] Дворец Небесной Чистоты, или дворец Цяньцин. Во времена династии Цин он часто служил залом аудиенций императора, где он проводил совещания с Большим советом.

[2] Дворец Земного Спокойствия или дворец Куньнин, один из трех внутренних дворцов императорского дворца, был залом отдыха императриц во времена династий Мин и Цин. Впервые он был построен в 1420 году во времена династии Мин; дважды разрушался в 1514 и

1596 годах во времена династии Мин и перестроен в 1605 году.

В дворцовом музее говорится: «Во времена династии Цин императрица здесь не жила. Это были покои для новобрачных императоров Канси (1662-1722), Тунчжи (1862-1874), Гуансюя (1875-1908) и отрекшегося от престола Сюаньтуна (1909-1911). Пары проводили в этом дворце только первые два дня после свадьбы. Затем они переезжали жить во дворец Небесной Чистоты (Цяньцин Гун) или Зал Духовного Совершенствования (Янсинь Дянь)».

[3] в Википедии говорится: «Начиная с правления императора Юнчжэна, императрица переехала из дворца вслед за переездом императора из Дворца Небесной Чистоты. Однако две комнаты во Дворце Земной Гармонии были сохранены для использования в первую брачную ночь императора. Свадебная церемония проводилась в главном зале, а после император и императрица удалялись в одну из этих комнат». Вот почему автор говорит, что Тун Цзя-ши была последней женщиной в истории, жившей там.

[4] Из Википедии: «Традиционно белая одежда символизирует умерших, в то время как красную обычно не носят, поскольку это традиционно символический цвет счастья, который носят на китайских свадьбах».

[5] 3-5 утра (в системе двухчасового деления, использовавшейся в прежние времена).

<http://bllate.org/book/15126/1336923>